

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. И. ПЕРШИЦ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ КОЧЕВНИКОВ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Саудовская Аравия, занимающая всю северную и центральную часть пустынного Аравийского полуострова, еще двадцать лет назад была известна в качестве одной из классических областей кочевого скотоводства и лишь отчасти — оазисного земледелия. В 30-х годах Саудовская Аравия стала еще и страной нефти, ареной безудержной экспансии американских нефтяных монополий, фактически завладевших страной. В этих условиях хозяйственный быт населения «страны песков и нефти» сделался особенно интересен и показателен для понимания того порядка, который насаждается империализмом в колониях и полуколониях США.

В конце XIX и начале XX в., до первой мировой войны, не менее двух третей населения нынешней Саудовской Аравии занималось кочевым скотоводством. Среди кочевников абсолютно преобладали верблюдоводы, которые, в отличие от полуоседлых овцеводов Ирака, Сирии и Палестины, называются в Аравии бедуинами, т. е. «жителями пустыни». Будучи главной основой бедуинского хозяйства, одnogорбый аравийский верблюд использовался бедуинами самым универсальным образом. Молоко и мясо шли в пищу, шерсть — для изготовления верхней одежды и мешков, шкура — для выделки обуви и ремней, навоз — для топлива, даже моча служила для мытья и в качестве лекарственного средства. Ежегодная продажа верблюжьего молодняка давала бедуинам возможность покупать зерно, финики, изделия городского ремесла, но многие бедняки-бедуины питались почти исключительно одним верблюжьим молоком в пресном и кислом виде¹.

Вместе с тем, до первой мировой войны верблюд являлся единственным транспортным средством не только для самих бедуинов, но и для многочисленных торговых караванов и караванов хаджжей, что позволяло бедуинам наниматься проводниками, отдавать животных внаем и, главное, создавало обширный рынок сбыта верблюдов. Покупкой их занимались укейли — старинная, широко разветвленная корпорация торговцев верблюдами, имевшая главный центр в Багдаде, а своих представителей — почти в каждом крупном бедуинском племени.

¹ Euting, Tagebuch einer Reise in Innerarabien, Leiden, 1896, 1, стр. 94; A. El-Aref, Beduin love law and legend, Jerusalem, 1944, стр. 172.

О том, какое место занимал верблюд в жизни бедуина, говорит уже то обстоятельство, что классификация этих животных по возрасту, полу и качеству включает свыше 100 терминов, а слова «верблюд» и «красота» происходят от одного корня. К сожалению, точные цифровые данные о количестве верблюдов в бедуинском хозяйстве имеются только для начала XIX в.: 300—400 голов в стаде шейха, 60 — у богатого кочевника, 30—40 — у зажиточного, 10 — у бедняка². Буржуазные авторы конца XIX — начала XX в., игнорируя имущественное расслоение среди бедуинов, сообщают лишь средние цифры: 50 верблюдов на хозяйство у бедуинов аназа³, 20 — у бедуинов шарарат и хувейтат⁴.

Скотоводческое хозяйство бедуинов связано с сезонными перекочевками в поисках пастбищ. Почти все бедуинские племена имели три квартиры: зимнюю, весеннюю и летнюю. Зимой, в период дождей, пустынные пространства Аравийского полуострова покрываются зеленой растительностью, в особенности «хада» — красноватым, с мясистыми зелеными листьями кустарником до полутора метров высотой. Это — любимый корм верблюдов; во время обильных дождей они объедаются настолько, что начинают болеть, и пастухи завязывают им морды. Влажный зеленый корм позволяет верблюдам обходиться без воды до 3—4 недели; люди восполняют недостаток воды верблюжьим молоком, в результате чего в зимний период бедуинские племена почти не связаны водными источниками. С наступлением весны (апрель — май) зеленые пастбища под действием солнца высыхают. Верблюды нуждаются в водопоях приблизительно раз в четыре дня, и племя вынуждено перекочевывать на весеннюю квартиру, в окрестности временных дождевых луж или искусственных водохранилищ. Последние чаще всего высечены из камня и имеют несколько метров глубины; нередко большие подземные хранилища воды, в которые ведет колодец с лестницей. Когда, наконец, иссякают и эти водные ресурсы, племя перекочевывает на летнюю квартиру, к постоянным источникам воды, расположенным в земледельческой зоне. Здесь бедуины проводят два самых сухих месяца — июль и август. Верблюды пасутся в окрестных степных районах и, по древнему обычаю, на скошенных крестьянских полях. Здесь же бедуины продают продукты верблюдоводства и запасаются зерном, финиками, необходимыми товарами. С первым осенним дождем — в конце августа или в начале сентября — племя снова уходит в пустыню, и все стадии кочевки повторяются⁵.

Несколько отличен, повидимому, малоизвестный порядок кочевания бедуинских племен центральной Аравии. Климатические условия здесь иные: на широте Мекки имеют место как субтропические зимние, так и тропические летние дожди, а еще южнее последние преобладают.

Двигаясь по традиционным, строго установленным маршрутам, крупные бедуинские племена Аравии пересекали огромные пространства пустыни. Амплитуда перекочевок аназского племени субаа в начале нашего века достигала 1 200 км; у аназских племен руала и амарат эти амплитуды были еще больше⁶. Такой тип кочевания чрезвычайно ограничивал бедуинов в разведении других видов скота. Овцы и козы не могут обходиться без воды сколько-нибудь значительное время, а это не позволяет бедуинам брать их с собой в пустыню. Поэтому бедуины, как

² J. Burkhard, *Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby*, Weimar, 1831, стр. 56.

³ Ch. Grant, *The Syrian Desert*, London, 1937, стр. 21; «*Handbook of Arabia*», London, 1920, стр. 50.

⁴ «*Handbook of Arabia*», стр. 61.

⁵ А. Щербатов и С. Строганов, *Книга об арабской лошади*, СПб., 1909, стр. 52; A. Musil, *The manners and customs of Rwala Beduin*. N. Y., 1928, стр. 338.

⁶ A. Bouchehan, *Matériaux de la vie bédouine Sbaa*, «*Documents des Études Orientales*», vol. 4, стр. 8.

правило, не имели рогатого скота и даже вынуждены были покупать у овцеводов полотнища для палаток, которые изготовляются не из верблюжьей, а из козьей шерсти. Равным образом, весьма ограничено в бедуинских кочевьях и число лошадей: лошадь служит здесь только для верхней езды и рассматривается как признак немалого богатства ее владельца⁷.

Земледелием до первой мировой войны бедуины не занимались. О крупнейшем бедуинском племени северной Аравии — аназа — официальный английский справочник еще в 1920 г. сообщал, что «плуг не тронул ни одной пяди их территории»⁸. Исключение представляла племенная верхушка — шейхи, нередко владевшие плодородными участками земли, рощами финиковых пальм, иногда целыми оазисами, как, например, оазис Джоф, принадлежавший шейхам аназского племени руала⁹. В одних случаях такие земли являлись уже собственностью шейхов, в других — считались еще коллективной собственностью бедуинского рода или племени, но фактически они всегда принадлежали только шейхам. Однако во всех случаях обработкой земли занимались в описываемый период не рядовые бедуины, которые эксплуатировались в скотоводческом хозяйстве, а шейхские рабы-негры, вольноотпущенники или арендаторы-феллахи. Применительно к двум первым десятилетиям нашего века такой порядок описан для аназских племен валад сулейман и руала¹⁰, неждских бедуинов субаи¹¹, бедуинов шаммар¹² и др.

Как уже отмечалось, бедуины-верблюдоводы составляли огромное большинство среди всех кочевых скотоводов северной и центральной Аравии. Широко распространенное в Сирии, Ираке и Палестине полукочевое овцеводство в Аравии не получило сколько-нибудь значительного развития из-за отсутствия травянистых пастбищ и скудости водных ресурсов. Однако и здесь имелось некоторое количество полусоседлых овцеводов (Нежд, Джебель Шаммар) и козоводов (горные долины Хиджаза).

Хозяйство полусоседлых племен характеризовалось совмещением кочевго скотоводства с более или менее интенсивным земледелием. Основной скотоводческий хозяйствa являлся мелкий рогатый скот, занимавший в жизни полукочевника почти такое же место, как верблюд в жизни бедуина. Разведение крупного рогатого скота в подавляющем большинстве племен развито не было. Число верблюдов было невелико; часто их не было совсем, а для транспортных целей служили крупные аравийские ослы или мулы. Имелись лошади — в большем, чем у бедуинов, количестве, но худшего качества. Кочевание происходило лишь в зимнее время, в период обильных дождей, когда скотоводы имели возможность уходить в пустыню и проводить здесь несколько месяцев, перегоняя стада от одной дождевой лужи к другой. Амплитуда перекочевков никогда не превышала 200—300 км, а некоторые племена или роды, имевшие немного скота и ограниченные в своих выючно-транспортных возможностях, кочевали всего лишь километров на 20. Проводя большую часть года в местах с постоянным водоснабжением, а следовательно, пригодных для земледелия, овцеводы в огромном большинстве случаев совмещали свое скотоводческое хозяйство с обработкой земли: осенью, перед откочевкой на зимние пастбища, они вспахивали и засевали небольшие участки земли, для охраны которых оста-

⁷ C. Guarmani, Northern Najd, London, 1938, стр. 16; «Arabia», London, 1920, стр. 68; K. Raswan, Im Lande der schwarzen Zelten, Berlin, 1934, стр. 151.

⁸ «Handbook of Arabia», стр. 46.

⁹ A. Musil, Указ. соч., стр. 58.

¹⁰ «Arabia», стр. 67, 81; cp. C. Guarmani, Указ. соч., стр. 82.

¹¹ H. St.-J. Philby. The Heart of Arabia, London, 1922, vol. I, стр. 171.

¹² R. Montagne, Contes poétiques bédouines, «Documents des Études Orientales», vol. 5 стр. 38, 115.

валось несколько семейств. Крупные земельные владения имела только племенная верхушка, которая эксплуатировала здесь негров-вольноотпущенников, арендаторов-феллахов и своих обедневших соплеменников¹³.

В зависимости от соотношения скотоводческого и земледельческого укладов различались две группы полукочевников: швайа («рассеянные», «разделенные») и райа («стадо»). У швайа овцеводство (реже козоводство) составляло основу хозяйства, а земледелие носило подсобный, второстепенный характер. Швайа имели значительные стада, прочно сохраняли кочевые традиции, жили круглый год в шерстяных палатках, не имея оседлых домов даже в районе летовок. В своем небольшом земледельческом хозяйстве швайа культивировали только зерновые — ячмень, рожь, пшеницу. К райа относились племена, у которых удельный вес земледелия преобладал над скотоводством. Характерным для них было максимальное использование посевной площади, разнообразный ассортимент сельскохозяйственных культур, очень небольшая амплитуда кочевания, замена верблюда, как основного транспортного животного, ослом или мулом. Незначительное поголовье овец и коз лишь до некоторой степени восполнялось у райа наличием крупного рогатого скота и домашней птицы. Кочевыми палатками райа пользовались не более 2—3 месяцев в году, а остальное время проводили в оседлых жилищах: глинобитных домах, соломенных или пальмовых хижинах¹⁴. Необходимо, впрочем, оговорить, что далеко не всегда можно с уверенностью отнести полукочевое племя к разряду швайа или райа. Во многих североарабских племенах хозяйственный уклад варьировал таким образом, что одни роды вели хозяйство типа швайа, другие — типа райа, третьи были вполне оседлы¹⁵. Эта хозяйственная неоднородность внутри одного и того же племени подтверждает, таким образом, слова Маркса о том, что «у всех восточных племен можно установить общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся с самого начала истории кочевым бытом другой части»¹⁶.

Охарактеризованный нами в основных чертах хозяйственный быт кочевых скотоводческих племен являлся типичным для подавляющего большинства населения северной и центральной Аравии вплоть до начала 20-х гг. нашего века. Это преобладающее, несмотря на тысячелетний процесс оседания кочевников, положение кочевого скотоводства в областях Аравийского полуострова объяснялось двумя причинами. Первой и, думается нам, основной причиной было отсутствие на территории северной и центральной Аравии сколько-нибудь значительных водных ресурсов, вследствие чего переходившие к овцеводству, а затем и к оседлому земледелию кочевые племена должны были выселяться в прилегающие к полуострову районы Сирии и Ирака. Подтверждением этому служит история расселения арабских племен, представляющая собой картину постоянного движения с юга на север, из внутренней Аравии в Сирийскую пустыню и южную Месопотамию; конкретные примеры являет история племен бени тамим¹⁷ и тайй¹⁸, месопотам-

¹³ «Arabia», стр. 68, 74; А. Музил, Указ. соч., стр. 44; ср. El-Aref, Указ. соч., стр. 23; A. Vocherman, Notes sur la rivalité des deux tribus moutonnières: Mawali et Hadedijin, «Revue des Etudes Islamiques», vol. 8, 1934, стр. 31, 46; «Review of the civil administration of Mesopotamia», London, 1920, стр. 21.

¹⁴ А. Музил, Указ. соч., стр. 44; ср. А. El-Aref, Указ. соч., стр. 22 и сл.; M. F. Jamali, The New Iraq: its problem of beduin education, N. Y., 1934, стр. 67.

¹⁵ I. van Ess, Meet the Arab, N. Y., 1943, стр. 65; ср. H. Field, The anthropology of Iraq, Chicago, 1940, стр. 27.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сборник избранных писем, М.—Л., 1931, стр. 78.

¹⁷ Hudūd al-'Alam, London, 1937, стр. 146; С. Guarmani, Указ. соч., стр. 89; А. Музил, The Middle Euphrates, N. Y., 1927, стр. 139.

¹⁸ R. Montagne, Указ. соч., стр. 37.

ских шаммаров¹⁹ и аназских племен валад али, федаан и субаа²⁰. Вторая причина — неоднократно засвидетельствованный рядом авторов встречный процесс перехода полуоседлых и оседлых арабов к кочевому верблюдоводству²¹, что вызывалось недостатком плодородных земель, упадком ирригационной системы или налоговым гнетом. Встречный процесс «бедуинизации» в известной степени нейтрализовал действие процесса оседания и тем самым поддерживал отмеченное Марксом соотношение между оседлостью и кочевым бытом.

Первый чувствительный удар установившемуся соотношению был нанесен еще в XIX в., когда отсталые натурально-замкнутые страны Аравийского полуострова были вовлечены в сферу мирового капиталистического рынка и начали все сильнее ощущать конкуренцию товарного капиталистического животноводства Австралии, Аргентины, Южно-Африканского Союза. Начинаясь упадок кочевого скотоводства выразился в усилении тяги кочевников к оседлому земледелию, но это стремление не было еще всеобщим, не носило еще массового характера. Положение коренным образом изменилось в 20-х гг. нашего века, когда постепенная до тех пор деградация кочевого скотоводческого хозяйства сделалась катастрофической.

Разразившийся в 20-х гг. мировой сельскохозяйственный кризис нанес тяжелый удар всем типам хозяйства североарабских племен, но особенно сокрушительным оказался для бедуинского верблюдоводства. После первой мировой войны империалистические колонизаторы Ближнего и Среднего Востока, стремясь наиболее выгодно использовать захваченные рынки сбыта, источники сырья и одновременно подготавливая стратегические линии и базы для новой войны, занялись строительством автомобильных, а позднее и железных дорог. Автомобильные дороги были проведены не только в Иране, Ираке, Турции, Сирии, Египте и т. д. но прошли почти по всем древним торгово-паллигримским караванным путям внутренней Аравии: Медина — Тебук — Дамаск, Джидда — Мекка — Рийад, Рийад — Кувейт, Рийад — Катиф, Джидда — Медина — Хаиль, Хаиль — Неджеф и др.²² Уже первая трансаравийская автомобильная линия, пересекая в 1923 г. Сирийскую пустыню, позволила совершать за 20 часов путь, для которого каравану верблюдов требовалось 30 дней, не говоря уже о том, что автотранспортровка обходилась в несколько раз дешевле. Понятно, что тысячелетний выючный транспорт не мог бороться с современными средствами сообщения, и верблюдоводы не только лишились возможности сдавать животных внаем и сопровождать караваны, но и столкнулись с огромным понижением спроса и цен на верблюдов. Если раньше багдадские укейли в огромном количестве скупали верблюдов по всей северной и центральной Аравии, то теперь не находили сбыта даже собственно иракские верблюды. «До войны, — сообщалось в донесении одного из инспекторов британской мандатной администрации Ирака, — хорошие рынки сбыта иракских верблюдов имелись в Сирии, Турции и Персии, а часть оставлялась для транспортных целей в самом Ираке. После войны... шоссейная система во всех странах была значительно расширена; эти шоссе в настоящее время прекрасно служат для большого и растущего числа автомобилей и грузовиков, которые в огромном большинстве случаев заняли

¹⁹ R. Montagne, Указ. соч., стр. 40—41.

²⁰ С. Guarmani, Указ. соч., стр. 90; «Handbook of Arabia», стр. 45; A. Musil, Arabia Deserta, N. Y., 1927, стр. 116.

²¹ С. Guarmani, Указ. соч., стр. 56; H. Sykes, Journeys in North Mesopotamia, «Geographical Journal», vol. 30, 1907, стр. 250; Longrigg, Four centuries of modern Iraq, Oxf., 1925, стр. 209; Luke and Keith Roach, The Handbook of Palestine and Trans-Jordan, London, стр. 40, 1934; M. F. Jamali, Указ. соч., стр. 37.

²² А. Mac-Kie Flood, Recent economic and social developments in Sa'oudi Arabia, «Geographie», vol. 24, 1939, стр., 164.

место вьючного транспорта и практически уничтожили, таким образом, доходы бедуинов от продажи верблюдов»²³.

По данным Эль-Арефа, хороший грузовой верблюд стоил на Ближнем Востоке до войны 20—30 фунтов, во время войны 50—100 фунтов, а в 20-х гг. цена упала до 3—6 фунтов стерлингов. Так же обстояло дело и с коневодством: цена кровной лошади среднего качества упала со 100 до 20 фунтов²⁴.

При самом критическом отношении к приведенным выше тенденциозным сообщениям представителей английской мандатной администрации, умышленно преувеличивавших в числе других «достижений» империалистической колонизации и механизацию транспортных средств, совершенно несомненно, что в новых условиях верблюдоводческое хозяйство бедуинов вступило в период настоящего кризиса. Разрушающееся кочевое хозяйство не могло быть спасено и имевшими место в это время попытками перехода от верблюдоводства к овцеводству²⁵, так как и само овцеводство переживало в 20-х гг. тяжелый упадок, обусловленный мировым сельскохозяйственным кризисом²⁶.

Экономический кризис и начавшаяся замена вьючного транспорта автомобильными были основными причинами катастрофического упадка кочевого скотоводческого хозяйства североарабских племен и их массового стремления к оседлому земледелию. Некоторую роль в деле оседания кочевников сыграла политика нового Саудовского государства, объединившего в 20-х гг. все области северной и центральной Аравии.

В 1921 г. эмир Неджда Абд-уль-Азиз Ибн Сауд окончательно расправляется со своим старинным врагом и соперником эмиром Джебель Шаммара и присоединяет эту территорию к своим владениям. В 1922 г. он отбирает у аназиских племен оазис Джоф, в 1924 г. захватывает горную часть Асира. Завоевание Хиджаза в 1926 г. превращает небольшой до того времени эмират в королевство Хиджаз, Неджд и Присоединенные области, переименованное в 1932 г. в Саудовскую Аравию. Новое государство занимает территорию в полтора миллиона квадратных километров и, по самому скромному подсчету, имеет свыше четырех миллионов населения, но две трети этого населения — кочевые племена²⁷, управляемые непокорными, сепаратистски настроенными, почти независимыми племенными шейхами. Сбирать налоги с этих «неуловимых бедуинов» было нелегким делом, особенно трудным также и потому, что разоренные, обнищавшие скотоводы не только не хотели, но и не имели возможности платить налоги. Таким образом, Ибн Сауды, стремившиеся централизовать свое феодальное государство и иметь сколько-нибудь значительную государственную казну, прежде всего должны были заняться организацией расстроеной хозяйственной жизни, что в условиях острого кризиса кочевого хозяйства могло означать лишь перевод кочевников к оседлому земледелию. «Бедуины,— пишет по этому поводу арабский писатель Амин Рейхани, впадая в преувеличенно восторженный тон,— были наиболее трудной проблемой, которую Абд-уль-Азизу надлежало разрешить на его пути. Он разрешил ее оригинальным и вполне современным образом, и поэтому султан Абд-уль-Азиз является реформатором, подобного которому Аравия не знала со времен пророка... Он должен был: 1) покорить бедуинов, 2) сделать из них хороших ваххабитов и 3) привязать их к земле»²⁸.

²³ М. Ф. Jamali, Указ. соч., стр. 63.

²⁴ А. El-Aref, Указ. соч., стр. 190—191.

²⁵ К. Raswan, Указ. соч., стр. 152.

²⁶ См. A. Boucheman, Notes sur la rivalité des deux tribus moutonnières: Mawali et Hadedijjin, стр. 43—45; М. Ф. Jamali, Указ. соч., стр. 136.

²⁷ А. Mac-Kie-Frood, Указ. соч., стр. 162; Н. St.-J. Philby, Arabia, London, 1930, стр. 222.

²⁸ А. Rihani, Ibn Sa'oud of Arabia, his people and his land, London, 1928, стр. 191.

Первая попытка перевода бедуинов к оседлости была предпринята Ибн Саудом еще в 1912 г., когда на основе колодезной ирригации была основана первая хиджра (ваххабитская земледельческая колония) бедуинского племени мутайр. Опыт был удачным, вскоре появились небольшие хиджры в племенах аджман и атайбан, но к относительно широкому освоению новых земель и к переводу значительных бедуинских групп на оседлость Ибн Сауд приступил лишь в 20-х гг. и лишь в силу отмеченных выше обстоятельств. А. Рейхани, посетивший Рийад во второй половине 20-х гг., называет около 60 хиджр, организованных Саудовским правительством в различных бедуинских племенах внутренней Аравии:

- хиджры мутайр — Иртавийа, Фрайсан, Мулайх, аль-Имар, аль-Итла, аль-Иртави, Миска, аш-Шиб, Зурайа, Верхняя Карна, Нижняя Карна, Судайр, Нукайр, Имбад;
- хиджры аджман — ас-Сиррар, Хунайз, ас-Сихаф, аль-Уджайр, Урайра;
- хиджры бени хаджар — Айн-Дар;
- хиджры авазим — Тадж, аль-Хаси, аль-Ханнат, аль-Атик;
- хиджры атайбан — Гатгат, Дахна, ас-Савх, Саджар, Арджа, Усайла, Нуфай, Ирва, ас-Санам, ар-Равла;
- хиджры хитайм — Бинван;
- хиджры бени мурра — Бенак, Убейрак;
- хиджры давасир — Мутайрака, Вусайта;
- хиджры кахтан — Хайатам, Джуфайр, Хисат, Верхн. ар-Райн, Нижн. ар-Райн;
- хиджры харб — Духна, Шубайкийя, Дулаймийа, Курайн, Садака, Хулайфа, Хунайзал, Буруд, Джбаа;
- хиджры шаммар — аль-Джафр, Ровд-уль-Уйуи ²⁹.

Число хиджр возрастает к началу 30-х гг., т. е. ко времени дальнейшей централизации Саудовского государства. В 1934 г. насчитывается 140 хиджр, половина которых основана на вновь открытой воде. Первая хиджра Иртавийа достигает к этому времени 12 000 человек, общее количество осевших бедуинов — 200 000 человек. Во всей внутренней Аравии не остается ни одного бедуинского племени, не давшего одной или нескольких хиджр; не перешедшего в той или иной степени к оседлому земледелию ³⁰. Цифровые данные о росте хиджр после 1934 г. отсутствуют.

Переводя бедуинов к оседлости посредством устройства хиджр, Саудовское правительство в первую очередь преследовало цели податной и военной организации. Население хиджр, называемое ихванами («братьями»), делится на три категории: ваххабитских священников — мутава, торговцев и основную массу — земледельцев, часть которых занимается также и отгонным скотоводством, так как многие хиджры имеют собственный пастбищный округ. Последние две категории являются военнообязанными и распадаются на джихад — постоянно вооруженное отобилизованное войско, рекрутируемый из скотоводов резерв и торгово-земледельческий запас второй очереди ³¹. Находясь под сильным влиянием и постоянным надзором мутава, ихваны представляют собой относительно наиболее исправных налогоплательщиков и наиболее надежный контингент войск Саудовского государства. Относительно — потому, что ваххабитская пропаганда не помешала значительной части ихванов принять активное участие в восстаниях 1928—1929 гг.

Таким образом, действуя в своих узко классовых интересах, феодальное правительство Саудовской Аравии в 20-х и 30-х годах перевело известную часть бедуинов к оседлому земледелию. Однако возможность

²⁹ А. Rihani, Указ. соч., стр. 198—199.

³⁰ А. Mac-Kie Frood, Указ. соч., стр. 162.

³¹ А. Rihani, Указ. соч., стр. 194, 223; А. Mac-Kie Frood, Указ. соч., стр. 166.

осесть на землю получили далеко не все к этому стремившиеся, — огромное количество бедуинов, ввиду недостатка орошенных земель, вынуждено было попрежнему заниматься кочевым верблюдоводством. Массовое разорение рядовых бедуинов, совпавшее с резким усилением феодального и налогового гнета в централизованном Саудовском государстве, вызвало в конце 20-х гг. ряд восстаний бедуинских племен против Саудовского правительства. Именно такой характер носили восстания хиджазского племени харб в 1927 г., хассского племени аджман в 1929 г. Антифеодальными в основе были и произошедшие в 1928—1929 гг. восстания нежджских бедуинов мутайр и атайбан, хотя эти восстания и были спровоцированы Англией, использовавшей «инцидент» для захвата нейтральной территории, пограничной с Ираком³².

Восстания кочевых племен были жесточайшим образом подавлены Ибн Саудами, вырезавшими целые бедуинские роды, но так и не принявшими действительно радикальных мер к улучшению положения разоренных кочевников. Нищая с каждым годом все больше и больше, рядовые кочевники массами попадают в кабалу к собственным шейхам и оседлым феодалам, переводящим их на положение полукрепостных пастухов и мелких арендаторов-издольщиков. Другая значительная часть обнищавших кочевников уходит на заработки в промышленные районы страны, где попадает в лапы империалистических монополий, давно уже проникших в пределы Саудовской Аравии.

Еще в 1914 г. Англия, находившаяся в состоянии войны с Турцией и стремившаяся использовать в борьбе с нею арабов, в обмен на небольшую ежегодную субсидию добилась от Ибн Саудов ряда существенных обязательств. Английское влияние продолжало оставаться господствующим и в послевоенной Саудовской Аравии, но с начала 30-х годов нефтяные богатства и важное стратегическое положение Аравийского полуострова привлекли к себе пристальное внимание американского империализма. Англия, как более слабый хищник, вынуждена была уступить. Американские нефтяные монополии закрепились на Бахрейнских островах, а в 1933 г. Аравийско-Американская нефтяная компания (АРАМКО) добилась от Ибн Сауда 60-летней концессии на разработку нефтяных месторождений на площади в 250 000 кв. миль и с этого времени сделалась фактическим хозяином Саудовской Аравии. В конце 30-х гг. начались добыча нефти, строительство военных баз, позднее — прокладка нефтепроводов. Центр американской нефтедобывающей промышленности в Саудовской Аравии — Дахран — превратился в значительный город и одновременно в сильную военно-воздушную базу.

Здесь, на предприятиях АРАМКО, на строительствах и нефтепромыслах, ищут работы тысячи разоренных арабских кочевников-скотоводов. Нередко бедуины загоняются сюда насильно племенными шейхами, поставляющими компании рабочую силу, а затем присваивающими себе значительную часть заработка своих «соплеменников». Сведения о положении рабочих АРАМКО весьма отрывочны, но и эти немногие данные позволяют составить достаточное представление об условиях жизни, труде и заработной плате «свободных бедуинов» современной Аравии.

Отходники-бедуины работают на предприятиях АРАМКО преимущественно чернорабочими. Рабочий день длится не менее 12—14 часов, общее количество праздничных дней в году не превышает 8. Ничтожная заработная плата, составляющая в среднем 6—10 пиастров в день, систематически урезывается штрафами и прямым обчетом неграмот-

³² Рафик Муса. Реформы в Геджасе, «Мусульманский мир», 1928, № 1, стр. 55; Е. Вейт, Аравия, М., 1930, стр. 81—82; ср. Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the administration of Iraq for the year 1930, стр. 34.

ных рабочих в дни полочки. Рабочего законодательства в Саудовской Аравии нет совершенно, организация профессиональных союзов запрещена, рабочее движение преследуется. Малейшее проявление недовольства со стороны рабочих подавляется собственной полицией АРАМКО, набираемой из сомалийцев. Для того чтобы задержать культурный рост и политическое развитие рабочих-арабов, администрация АРАМКО всемерно поддерживает патриархально-родовые и религиозные ваххабитские традиции. Во владениях компании процветает кровавая месть, «сгрешившие» женщины побиваются камнями, посещения кино или игра на музыкальных инструментах влекут за собой телесные наказания, за кражу рубят правую руку и т. п. Не лучше и сохраняемые американскими колонизаторами чисто бытовые условия. На предприятиях АРАМКО нет даже барачков, рабочие живут в полуразвалившихся глинобитных лачугах. В Джидде имеется большая превосходно оборудованная американская поликлиника, но арабам вход в нее запрещен³³.

Таковы способы, посредством которых американские нефтяные монополии получают в Саудовской Аравии баснословные прибыли. Известно, что в 1947 г. чистый доход АРАМКО составлял 68 млн. долларов.

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь основной массы кочевников современной Саудовской Аравии находится в состоянии тяжелого упадка. Ирригационная деятельность феодального Саудовского правительства перевела к оседлости лишь некоторую часть кочевников, между тем как огромное большинство разоренных бедуинов попрежнему вынуждено заниматься примитивным кочевым скотоводством, в условиях капиталистического рынка совершенно нерентабельным. Фактическая запродажа Ибн Саудом своей страны американскому империализму еще более ухудшила бедственное положение рядовых бедуинов, в известной своей части вынужденных работать в тяжелейших условиях и за грошевую плату на предприятиях американских нефтяных монополий.

Антиимпериалистическое движение в странах Востока растет и ширится. События в Египте и Иране показывают, что народы Ближнего и Среднего Востока не намерены больше терпеть вмешательство иноземных захватчиков во внутренние дела своего государства, наглую эксплуатацию национальных богатств своей родины.

Экономическая, общественная и культурная отсталость Саудовской Аравии, наличие здесь все еще разрозненных, сохраняющих хозяйственную и культурную обособленность групп оседлого и кочевое население, крайне низкий в целом уровень промышленного развития страны — все это пока еще препятствует национальной консолидации арабов Саудовской Аравии, затрудняет их антифеодальную и освободительную антиимпериалистическую борьбу. Однако и в этих условиях в Саудовской Аравии зреет классовое и политическое сознание трудящихся масс населения, воля к борьбе за свободу, за избавление от гнета американского империализма и тесно связанной с этим борьбе за мир. С этим растущим народным движением арабских рабочих, крестьян и скотоводов вынуждена уже считаться и господствующая феодальная верхушка страны: антиимпериалистические настроения народных масс — одна из главных причин, которыми объясняется отказ тесно связанного с американскими монополиями правительства Саудовской Аравии послать войска в помощь американской агрессии в Корею³⁴.

³³ А. С т у п а к, В Саудовской Аравии, «Огонек», 1939, № 13; М. И в а н ч е н к о, Страна песков и нефти, «Вокруг Света», 1948, № 6; сообщения в «American Magazine» (October, 1947) и «New York Times Magazine» (January, 1948), приводимые в статье: В. Л у ц к и й. Там, где царят американские рабовладельцы, «Правда Востока» от 26 февраля 1949 г.

³⁴ «Известия» от 6 августа 1950.